

УДК 811.161.1 ББК 81.411.2-5

К. И. Гуревич
НИУ ВШЭ, Москва, Россия. caroline.3715@gmail.com

ДЕЙКСИС В ОПИСАНИЯХ РУССКО-ПОЛОВЕЦКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

В статье рассматриваются примеры пространственного, персонального и дискурсивного дейксиса в летописных эпизодах, фиксирующих различные типы русско-половецких контактов. Охарактеризованы основные функции дейксиса в подобных описаниях и выделены особенности использования дейктических конструкций в описаниях как русско-половецких конфликтов, так и союзов. Отдельное внимание уделяется исследованию фактографического и литературного начала в использовании дейктических элементов.

Ключевые слова: дейксис, точка зрения, половцы, русско-половецкие связи, летописный нарратив

Описания русско-половецких взаимоотношений занимают в древнерусском летописании особое место. Прежде всего, отражая практику взаимодействия кочевников с Рюриковичами, подобные описания складываются в корпус с широкими хронологическими рамками: появившись в летописных статьях, датированных XI в., упоминания о русско-половецких контактах не сходят со страниц летописи до XIII в. Другой особенностью повествований о русско-половецких взаимодействиях — будь то военные столкновения или союзнические практики, закреплённые нередко междинастическими браками, — является частотность этих сообщений. Летописец скрупулезно отражает детали военных походов, предпринятых против половцев или совместно с ними, уделяет большое внимание описанию генеалогических связей половецких родов, фиксирует характеристики дипломатических практик.

Тем не менее при всей обширности летописного материала картина русско-половецких отношений остается фрагментарной. Более того, интересно, что реальная динамика взаимодействий русской элиты с кочевниками фиксируется летописцем, но не осмысливается и не оценивается эксплицитно. Формально язычники половцы остаются «чужими» для книжника-христианина на протяжении всего периода русско-половецких контактов. При этом о развитии таких контактов повествуют именно летописные источники. Соответственно, наблюдается некоторое противоречие между последовательным вхождением половцев в сферу внутривосточной жизни Руси, с одной стороны, и затрудненным проникновением образа половца-союзника на страницы летописи — с другой¹. Оценивая подобную коллизию, более продуктивным представляется пойти не по пути анализа идеологических конструктов средневекового автора, а по пути рассмотрения такой особенности летописного нарратива, как использование дейктических конструкций — языковых элементов, идентифицирующих объект через его отношение к речевому акту [Падучева, 1996, с. 245].

1. Трансформация понятия дейксиса в летописном тексте

Дейксис летописи отличается рядом особенностей, которые необходимо оговорить, прежде чем останавливаться на конкретных примерах. Как любой письменный текст, летопись требует значительного расширения самого понятия дейксиса. Здесь помимо дейксиса диалога (первичного дейксиса), где сильна связь жеста и речевого указания, где основное значение имеют понятия «ситуация речи», «указательное поле», активно обсуждавшиеся на ранних этапах изучения дейксиса (см.: [Brugmann; Böhler; Jespersen]), необходимо учитывать еще один вид дейксиса — нарративный дейксис (вторичный дейксис). Вслед за Э. Бенвенистом Ю. Д. Апресян,

¹ Вывод о более отчетливом проявлении прагматизма в союзах Рюриковичей с половцами в сравнении с летописным нарративом см.: [Литвина, Успенский, с. 20–21].

Е. В. Падучева и Б. А. Успенский выделяли в письменном пересказе ситуаций и событий особый нарративный дейксис, для которого характерно несовпадение места и времени нарратора с коммуникативной ситуацией, использование дейктических конструкций для изображения чужого сознания и виртуальность указания на определенные параметры речевого акта [Апресян, с. 276; Падучева, 2008, с. 372–395; Успенский, 2011].

1.1. Особенности классификации

Вывод Е. В. Падучевой о том, что в нарративном режиме может реализовываться как вторичный, так и первичный дейксис [Падучева, 1996, с. 269], особенно важен для исследования летописного материала, обнаруживающего нарративную многоплановость. В частности, в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях, предоставляющих больше всего примеров дейксиса в русско-половецких эпизодах и ставших основным источником данной статьи, выделяются три уровня текста: 1) повествовательный уровень, 2) диалогический уровень (прямая речь светских и духовных лиц), 3) внутренний метанарративный уровень (иначе «дискурсивный» уровень, где происходит ориентация в пространстве текста: «вышесказанное», «нижеупомянутые» и т. д.). Соответственно, понятие дейксиса должно быть рассмотрено на каждом из этих уровней.

С другой стороны, к летописи применима традиционная классификация дейксиса, которая различает пространственный дейксис (в летописи он может быть выражен через дейктические слова «здѣ», «туто», «близъ» и др.), темпоральный дейксис («тогда», «заутра», «ныне» и др.), персональный («мы» vs. «вы», «наши» vs. «ваши») и дискурсивный (метанарративный) дейксис. Учитывая многоплановость летописного нарратива, подобную четырехчастную классификацию необходимо расширить до семичастной: пространственный дейксис нарратива, пространственный дейксис диалога, темпоральный дейксис нарратива, темпоральный дейксис диалога, персональный дейксис нарратива, персональный дейксис диалога и метанарративный дейксис. Удобно представить подобную классификацию с помощью следующей таблицы, иллюстрированной примерами:

Тип дейксиса		Пример
Пространственный	Нарративный	«Половци же оуслышавше всю землю Русскую идуще . бѣжаша за Донь » ¹
	Диалогический	«не можемъ с тобою быти сде приведеша на ны впять Половци» ²
Темпоральный	Нарративный	« тогда же придоша Половци . в помочь Гюргеви на Изаслава» ³
	Диалогический	«Половци же оуслышавше . поидоша рекуще брата ^т наша избита и ^с вѣди наши . а друзии изымни . а се нонѣ на на иду . послашася по всеи земли своеи» ⁴
Персональный	Нарративный	«надѣюще же сѧ на силу погании поидоша . и наши противу имъ» ⁵
	Диалогический	«аще сѧ ты боиши Руси но мы сѧ не боимъ сихъ бо избивше и поидемъ в землю ихъ » ⁶
Метанарративный		«мы же на ^д прележащее възвратимсѧ» ⁷

² ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 1. Стб. 399.

³ ПСРЛ. Л., 1926–1928. Т. 2. Стб. 443.

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 330.

⁵ Там же. Стб. 397.

⁶ Там же. Стб. 360.

⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 253–254.

⁸ Там же. Стб. 516.

В статье мы коснемся только пространственного и персонального видов дейксиса — функционирование темпорального и метанарративного видов дейксиса в летописи требует отдельного изучения с учетом специфики построения хронического текста.

1.2. Особенности «точки зрения»

В канонической речевой ситуации, где говорящий и слушающий находятся в поле видимости друг друга, а также располагают (в стандартной ситуации общения) единой информацией об окружающем мире, дейксис сводится к указанию речевыми средствами на явления реальности. Дейксис нарратива устроен более сложным образом, здесь указания на время и место действия заведомо отделены от фактического времени и места событий и подчинены либо нарратору, либо одному из героев и соотносятся с его восприятием. По замечанию Б. А. Успенского, в последнем случае можно говорить о «следовании» автора за героем, авторе-«спутнике» [Успенский, 1995, с. 81].

В летописи, источнике, цель которого — описать события в том порядке, в котором они произошли, с указанием мест, где разворачивалось действие, понятие «точка зрения» нуждается в дополнительном обсуждении. Приводит ли упомянутая выше многоплановость летописной структуры (сочетание диалогического и нарративного планов) к столкновению точки зрения нарратора с точками зрения многочисленных героев летописи? Подчиняет ли летописец хронотоп текста своему видению? Благодатным материалом для поиска ответов на эти вопросы становятся эпизоды русско-половецких контактов, где временные и пространственные маркеры выставляются летописцем последовательно и с высокой степенью детализации, а вопрос разграничения «чужого» и «своего» становится особенно значимым.

2. Пространственный нарративный дейксис: «речной» дейксис и подвижность точки зрения

Использование нарративного дейксиса неизбежно вовлекает летописца в сложную игру перспектив. С одной стороны, есть очевидная и, казалось бы, главенствующая перспектива самого книжника, носителя определенных представлений об устройстве мира. Он описывает события, исходя из своего положения в пространстве и времени, своего «здесь и сейчас». Также автор летописи не может не учитывать перспективу русских князей — главных действующих лиц, вокруг которых строится основная часть повествования. И наконец, есть половецкая перспектива, особенности которой будут оговорены ниже. Сейчас лишь заметим, что половцы предстают полноправными героями повествования, способными вступать в диалог, предлагать русским князьям свои варианты действий, убеждать, угрожать, выстраивать дипломатические контакты. Таким образом, летописец, создавая то или иное описание русско-половецких контактов, находится на перекрестке трех путей, которые условно можно обозначить как «русско-княжеский», «книжный» и «половецкий». Всю сложность подобной гибридизации перспектив в нарративе отражает пространственный дейксис, апеллируя к измерению, наиболее остро нуждающемуся в наблюдателе. Пространственный нарративный дейксис оказывается самым востребованным типом дейксиса: именно с помощью пространственного дейксиса летописец последовательно и детально фиксирует перемещение групп половецких и русских князей.

В описаниях русско-половецких взаимодействий летописец чаще всего прибегает к такому географическому маркеру, как река (наиболее частотные гидронимы здесь — Днепр и Трубеж). В подобных пространственных описаниях нарратор как бы оказывается лицом к водной преграде: одни объекты принадлежат к «сей» стороне реки, другие помещаются «за» рекой, на «оной» стороне — здесь нет привычных современному человеку и заранее заданных правого и левого берегов. В основе летописной характеристики лежит дейктический принцип наличия наблюдателя, поэтому можно обозначить ее как «речной» дейксис.

Можно ли предсказать, как распределятся дейктические местоимения в том или ином описании русско-половецких контактов? Какая сторона реки станет «сей», а какая «оной»? Где помещается та точка зрения, которая определяет описание пространства в таких случаях?

2.1. Подвижная точка зрения

Приведем пример столкновения русских князей с половцами, где можно увидеть, как распределяются дейктические местоимения при описании пространства. В статье под 1096 г. рассказывается о русско-половецких маневрах в окрестностях Переяславля после того, как к Переяславлю подошел половецкий князь Тугоркан с войском. Против Тугоркана спешно выдвинулись из Стародуба Святополк Изяславич с Владимиром Мономахом и тайно переправились через Днепр, так что половцы не заметили этой переправы:

«приде Тугорканъ тесть Стополчь къ Переяславлю . мѣа маиа . въ . ла . и ста вколо города . а Переяславць затворишася в городъ . Стополкъ же и Володимеръ . пойдоста на нь **по сѣи сторонѣ** Днѣпра . и прийдоста к Зарубу . и тутю перебродистася . и не почютиша ихъ Половць . Бу схраню ихъ . исполчившася пойдоста к городу . гражанѣ оузрѣвше ради быша . и изидоша к нима . а Половци стоаху **на внои сторонѣ** Трубѣша исполчившася . Стополкъ же и Володимеръ . оубредша оу Трубѣшь . к Половцемъ»⁹.

Рис. 1. Фрагмент карты Киевской и Переяславльской земель [Рыбаков, с. 379]

Здесь указание «си(я) сторона» Днепра и «она сторона» Трубежа может определять положение русских и половецких князей с точки зрения наблюдателя, который мысленно следует от Киева за русскими князьями по правому берегу Днепра, «переходит» Днепр в районе Заруба и «подходит» к Переяславлю (Рис. 1). В этом случае стоящие, по всей видимости, на левом берегу Трубежа половцы действительно в «окрестности говорящего»¹⁰ оказываются на «оной» стороне Трубежа.

Как мы видим, трактовка с подвижной точкой зрения возможна и имеет смысл, если летописец из трех обозначенных нами перспектив («русско-княжеской», «книжной» и «половецкой») придерживается «русско-княжеской» перспективы и стремится отразить походы русских князей от лица участника событий, используя пространственный дейксис, где вся

⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 221–222.

¹⁰ О понятии «окрестность говорящего» см.: [Яковлева, с. 25–41].

система координат вместе с центром (виртуальным наблюдателем) постоянно движется.

2.2. «Неподвижный» дейктический центр

Тем не менее есть еще один способ трактовки употребления дейктических местоимений в приведенном примере: вариант неподвижного дейктического центра. Летописец может не привязывать дейктические местоимения к конкретной ситуации и определять «сию» и «оную» стороны рек по отношению к неподвижному дейктическому центру. Такой центр будет, скорее всего, совпадать с местом, в котором присутствует сам летописец, или с местом, где ему предписывает быть летописная традиция.

Необходимо оговорить, что в этом исследовании мы намеренно не следуем за текстологическими попытками определить, где создавалась та или иная летопись: гораздо важнее для нас указать на возможные неподвижные дейктические центры и их роль в общей системе древнерусского дейксиса. Как будет показано ниже, распределение дейктических местоимений чаще всего указывает на Киев как потенциальный неподвижный дейктический центр.

Так, в приведенном выше примере вариант с неподвижным дейктическим центром в Киеве объясняет выбор летописцем выделенных дейктических местоимений. «Сия» сторона в таком случае будет соотноситься со стороной, ближайшей к неподвижному дейктическому центру (Киеву), — с правым берегом Днепра или правым берегом Трубежа, а «оная» сторона с противоположной стороной. Русские князья, идущие из Киева по «сей» стороне Днепра, идут по стороне, которая независимо от направления их движения и маневров всегда будет оставаться «сей» стороной; берег же Трубежа, противоположный ближайшему к Киеву, всегда будет оставаться «оним», безотносительно к перемещениям занимающих его половцев.

Таким образом, перед нами две возможности интерпретации пространственного дейксиса русско-половецких эпизодов: полноценный дейксис «русско-княжеской» перспективы и дейксис «книжной» перспективы с фиксированной точкой зрения. Крайней степенью «неподвижного дейксиса» стоит признать эпизоды, где летописец прямо указывает, как для него распределены дейктические обозначения:

«тако совокоупившесѧ с Чернѣимъ Клобоукомъ и ѣхаша изъездомъ . и быша на Ивлѣ на рѣцѣ на Половѣцкои . и тоу изымаша сторожа Половѣцкѣя . и вземше оу нихъ вѣсть. аже Половци днища вдалѣ лежать и стада . по сеи сторонѣ Днѣпра по Роускои»¹¹.

Днепр становится рубежом, который делит русские земли на две части. Правый берег, ближайший к Киеву, оказывается для летописца «русским», «своим» в отличие от левого, откуда приходит половецкая угроза.

Тем не менее, какой бы степенью неподвижности ни характеризовался дейксис с фиксированной точкой отсчета, важно отметить, что он все же занимает промежуточную позицию между полноценным дейксисом и отсутствием дейксиса: с одной стороны, дейктические слова «замораживаются», переходят в разряд номинативов, а с другой стороны, описание окружающего мира по-прежнему соотносится с положением наблюдателя, виртуально/фактически находящегося в Киеве.

3. Амбивалентность интерпретации дейксиса

Чаще всего эпизоды русско-половецких взаимоотношений способны интерпретироваться в рамках как «подвижной», так и «неподвижной» дейктических систем. Особенно ярко такая амбивалентность проявляется в фрагментах, повествующих о маневрах русских и половцев около Киева, где позиция русских князей, обороняющих Киев, и позиция книжника могут совпадать.

¹¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 677.

Так происходит в описывающей битву за Киев статье 1151 г., где половцы выступают союзниками Юрия Долгорукого, который атакует находящегося в Киеве Изяслава Мстиславича:

«такъ избиша ѿ . а другии изоимаша ѿ . инии же с конь сбѣгоша . и многы избиша ту же и Севенча Бонаковича . дикаго Половчина оубиша . иже башеть рекль . хоцю съчи в Золотаа ворота . тако же и щѣь мои . ѿтолѣ же ни ѿдинѣ члвкѣ не переѣха боле того **на сю сторону**»¹².

С одной стороны, ситуация может описываться с точки зрения человека, находящегося в лагере Изяслава Мстиславича (в Киеве), для него опасность миновала, когда ни один человек из лагеря Юрия Долгорукого не переехал на «сю» сторону. С другой стороны, это сражение может описываться безотносительно к враждующим сторонам, с позиции человека, для которого Киев — фиксированная точка отсчета и всякий подходящий к Киеву извне неизменно оказывается «по ту сторону».

Аналогичная амбивалентность прослеживается и в примере 1172 г., где половцы-союзники помогли Глебу Юрьевичу отвоевывать оставленный ненадолго Киев у посягнувшего на киевской стол Мстислава Ростиславича:

«Мьстиславѣ же съ братьею ста передѣ Золотыми вороты... и приде вѣсть Мьстиславу . ѿже Глѣбѣ бродитьсѣ **на сю сторону** с Половци»¹³.

Здесь нельзя определить однозначно, по какой дейктической модели строится повествование: с точки зрения нарратора, неподвижно пребывающего в Киеве, или с точки зрения движущегося Мстислава, чья позиция совпадает с неподвижной дейктической позицией «Киев-центр».

Мы видим, как в приведенных нарративных и диалогических эпизодах Киев подчиняет себе пространство, побуждая вновь и вновь предполагать возможность «киевцентричной» интерпретации дейктических конструкций. Можно ли таким образом утверждать, что из-за политически лидирующей позиции Киев становится универсальной и предустановленной точкой отсчета во всех дейктических моделях, появляющихся в описаниях русско-половецких взаимодействий?

4. Центры неподвижной дейктической системы

Существуют случаи, в которых Киев как точка отсчета становится не вполне релевантным. Наиболее яркий пример представляет русско-половецкий конфликт, описанный в статье 1183 г. Игорь Святославич предлагает князьям пойти в поход на половцев. В определенный момент войска встречаются на реке Мерла:

«Половци ѿборотидѣсѣ . противоу Роускимѣ княземѣ . и мѣ без ни коушаймсѣ . на вежа ихѣ . оударити . да тако бы **за Мѣрломь** . и срѣтесѣ с Половци»¹⁴.

¹² Там же. Стб. 432.

¹³ Там же. Стб. 549.

¹⁴ Там же. Стб. 633.

Рис. 2. Фрагмент карты «Русские походные пути в Половецкую землю XII в.» (река Мерла выделена нами. — К. Г.) [Кудряшов]

Река Мерла — правый приток Ворсклы (Рис. 2). В обобщенном виде русло Мерлы проходит в направлении с северо-востока на юго-запад под очень небольшим углом к оси запад — восток.

Не имея перед собой карты, с точки зрения «киевской» системы координат нельзя с уверенностью назвать «сию» и «оную» сторону реки, протекающей практически перпендикулярно Днепру (в отличие, например, от Трубежа, направление течения которого параллельно течению Днепра). Описание позиции половцев, находящихся «за Мерлом», релевантно скорее не для киевского летописца, а для Игоря Святославича, находящегося в Новгород-Северске. Соответственно, подобное описание «выходит из-под власти Киева» и демонстрирует иной дейктический центр. Этот центр также может быть как подвижным (точка зрения перемещающегося Игоря Святославича), так и неподвижным (Чернигов).

Не вдаваясь в текстологические споры о происхождении того или иного фрагмента летописи, стоит отметить, что, когда действия разворачиваются вблизи Чернигова, он, так же как и Киев, способен подчинять себе пространство. В описании похода Изяслава Мстиславича 1148 г. мы находим этому подтверждение:

«Пакы поиде Изяславъ к Чернигову . скоупа силоу свою... и прише^д ста на Солговъ поли... и пожъже вса села и вли и до Боловаса»¹⁵.

Изяслав Мстиславич, выступая против черниговских князей и их союзников половцев, подошел очень близко к Чернигову, почти вплотную, и попал в систему координат «Чернигов-центр»: Олегово поле находилось на юго-западе от стен Чернигова, а русло реки Белоус, обозначенной как Боловос, располагалось с северо-запада на юго-восток от Чернигова, образуя преграду для идущих на Чернигов киевских князей (Рис. 3). Направление от Олегова поля «до Боволоса» (Рис. 4, 5) подразумевает либо следование описания за перемещением Изяслава Мстиславича и перенимания его точки зрения (подвижная дейктическая система), либо составление описания в системе «Чернигов-центр» (неподвижный «черниговский» дейксис).

¹⁵ Там же. Стб. 361.

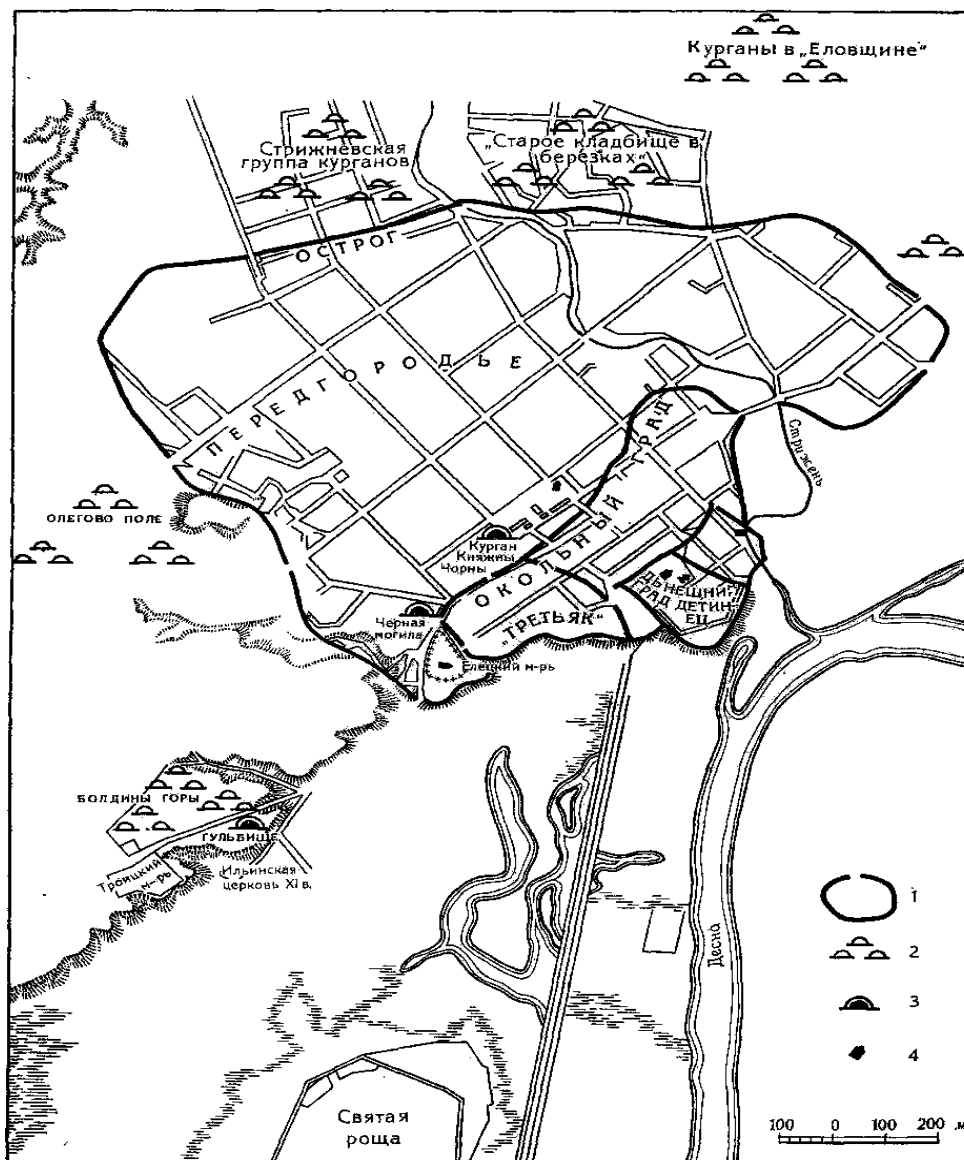

Рис. 3. План Чернигова [Рыбаков, с. 389]

Интересно, что распространенное летописное обозначение «Задеснь» возникло именно как дейктическое именование в системе «Чернигов-центр» — земли, находящиеся за Десной (по левому берегу Десны, напротив Чернигова). Сходные механизмы, по-видимому, будут работать спустя столетия в образовании названия «Замоскворечье».

В статье под 1152 г. Чернигов также является неподвижной точкой отсчета, относительно которой оценивается движение князей:

«кнзи же видивше Половци идуче прочь . и поидоша ѿ Чернигова . и идоша за **Свинь** . та за **Сновъ**»¹⁶.

¹⁶ Там же. Стб. 458.

Рис. 4. Фрагмент карты Черниговских земель (русло Десны и Белоуса выделено цветом нами. — К. Г.)
[Рыбаков, с. 390]

Рис. 5. Современное расположение русла реки Белоус (русло выделено красным цветом нами, название реки Белоус нанесено нами. — К. Г.)
(Google Maps [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.su/0ot3>)

Здесь подразумеваются два притока Десны — Сновь и Свень, — уход «за» которые позволил черниговским князьям после оставления их половцами-союзниками избежать встречи с Изяславом Мстиславичем (Рис. 6).

Рис. 6. Фрагмент карты Черниговских земель (река Свень указана нами. — К. Г.) [Рыбаков, с. 390]

Таким образом, можно найти как минимум два неподвижных дейктических центра, значительным образом влияющих на нарративную структуру летописи, — Киев и Чернигов.

5. Роль дейксиса в описаниях русско-половецких отношений

Разнообразие дейктических конструкций в описаниях русско-половецких взаимоотношений заставляет задуматься о возможных функциях дейксиса в характеристике этих контактов. Безусловно, основной функцией становится указание с помощью дейктических единиц на пространственные или временные рамки, в которых происходит описываемая встреча русских и половецких князей. Дейктические слова помогают летописцу точнее передать местонахождение военных групп, проследить движение русских и половецких князей от одной точки к другой, соотнести это движение с положением противника/союзника и с окружающим ландшафтом.

Тем не менее, если ограничиться подобной трактовкой функций дейксиса в описаниях русско-половецких контактов, сводится к минимуму ключевой аспект дейктичности — соотносительность с наблюдателем. Дейксис — это всегда выражение только одной-единственной позиции, отсутствие объективности в распределении границ пространства и времени. Дейксис — это заведомая предвзятость рассказчика в распределении «своего» и «чужого». Именно вследствие подобной пристрастности анализ дейктических конструкций позволяет сказать

о летописном образе половцев больше, чем простое соположение эксплицитных и до крайности однообразных оценок книжника.

Особенную роль наблюдателя в дейктическом описании можно увидеть, оценив использование дейксиса в различных типах русско-половецких контактов. Здесь летописный материал дает исследователю разнообразие, сводимое к оппозиции: многочисленные описания взаимодействий русской и половецкой элит можно условно разделить на ситуации военного союза и конфликта. При этом описанию военных конфликтов уделено значительно больше внимания, учитывая особый подвид конфликтов, для которых характерно нападение половцев на мирное население, разграбление монастырей и городов.

С помощью анализа дейктических конструкций интересно оценить степень пристрастности летописца в этих противоположных описаниях, определить, по возможности, особенности восприятия половцев русским книжником и понять, насколько глубоко проникает образ половцев в летописную «наивную модель мира» (по Ю. Д. Апресяну).

6. В ситуации союза

Заключать союзы с половцами Рюриковичи начинают довольно рано: уже по прошествии первого десятилетия с момента первых военных столкновений половцы начинают активно вовлекаться русскими князьями в междинастические конфликты. Летописец практически не дает никаких оценок этой практике, и тем интереснее понаблюдать за распределением дейктических конструкций в описаниях русско-половецких союзов. Здесь нарратив летописи приводит нас к удивительному открытию: половцы, те самые, что недавно именовались летописцем безбожными, окаянными и беззаконными, получают право стать равноправными участниками диалога, выражать свою точку зрения, на равных обсуждать с русскими князьями ситуацию предстоящего похода.

6.1. Персональный дейксис

Особенно ярко такое право голоса половецких союзников проявляется в примерах с использованием персонального диалогического дейксиса. Так, в 1147 г. половецкие родственники Святослава Ольговича присылают к нему с вопросом о его здоровье (что, по видимому, представляет собой часть дипломатической формулы) и выражением готовности прийти на помощь, если это понадобится:

«прашаемъ здоровья твоего . а коли ны велишь к собѣ со силою прити»¹⁷.

Здесь и в других примерах¹⁸ продуманное чередование притяжательного, личного и возвратного местоимений превращает половецкое обращение почти в «диалогический танец» с учетом позиции всех сторон.

6.2. Пространственный дейксис

Принцип использования дейктических конструкций, применяемый летописцем в описании пространства в случаях союзов русских и половецких князей, заслуживает особого внимания. Дейктические маркеры пространства появляются не только в нарративе, соотношенном с видением русских князей или летописца, но и легко уступают половцам в диалогах. Важно, что, передавая точку зрения половцам-союзникам, нарратор «забывает» чуждость половцев, их незаконную языческую природу, которую он охотно подчеркивает в других эпизодах. Право «точки зрения» половцы получают наравне с их союзниками, и нарратив гармонично усваивает подобную соотношенность, перенимая те же дейктические конструкции, которые использовались половцами для описания пространства.

Возвращаясь к трем обозначенным возможным перспективам дейктического описания (половецкая, русско-княжеская и книжная), нужно отметить, что в эпизодах, где летописец конструирует половецкую картину мира через дейктические обозначения, часто нельзя указать

¹⁷ Там же. Стб. 341.

¹⁸ Там же. Стб. 334–335.

на половецкую перспективу как единственную. В подобных эпизодах перспективы учитывают друг друга, смешиваются и налагаются одна на другую.

Один из ярких примеров передачи половцам права дейктической разметки реальности относится к диалогу Святослава Ольговича и его половецких родственников-союзников:

«Се на ма идеть Изаславъ Мьстислаличъ . а промъшлаимъ в собѣ . вни же рекоша . кнже не страпаа поѣди . **зде** ти нѣ в чемъ быти . нѣтоуть ни жита ни что»¹⁹.

И ниже:

«пойди в лѣсноую землю . и вѣтоудѣ ти са **близъ** слати къ вѣщю своему Гюргеви»¹⁹.

Интересно, как в данном случае множится перспектива восприятия. Нарратор описывает видение половецв, которые, в свою очередь, принимают точку зрения Святослава Ольговича. В высказывании дейктический центр перемещается по ходу развертывания высказывания, при этом оценка расстояния производится из последней точки этого перемещения.

В описаниях союзнических практик дейктические модели выполняют свою непосредственную задачу — характеризовать пространство и время через соотнесение с наблюдателем, дейксис здесь практически никогда не становится литературным приемом.

Так, в 1172 г. к Глебу Юрьевичу приезжают половецв и разделяются на две группы, одна из которых идет к городу Корсунь, другая к Переяславлю. Обе группы просят Глеба Юрьевича приехать к ним и заключить союзы. Не зная, к кому ехать в первую очередь, Глеб Юрьевич решает, что, поскольку в Переяславле княжит малолетний Владимир Глебович, лучше поехать сначала туда:

«иде Глѣбъ къ Переяславьскимъ Половецемъ . на снемъ . а къ **другимъ** Половецемъ к Руськимъ посла река имъ . пождете мене **ту** . иду къ Переяславлю . оумираса с **тыми** Половци и приду к вамъ на миръ»²⁰.

Здесь ориентация полностью дейктична — указательные местоимения употребляются в соответствии с существованием единого центра восприятия — Глеба Юрьевича.

Далее «корсуньские» половецв, не дождавшись Глеба Юрьевича, отправляются к Киеву грабить земли:

«Половци же ти слышавше . вбѣхавша Глѣба . къ Переяславлю . и сдумаша . се Глѣбъ вѣхаль **на вну сторону къ внѣмъ Половецемъ** . а **тамо** ему пострати . а къ намъ не вѣхаль . поидемъ **за Киевъ** . возьмемъ села . поидемъ же с полономъ въ Половци и вѣхаша **за Киевъ** воевать»²¹.

Здесь мы видим яркий пример умения летописца «отдать» право восприятия пространства «героям» не только не имеющим ничего общего с предыдущим субъектом восприятия, но и заслуживающим негативной оценки в иных условиях — неправославным половецам. Употребленная в диалогическом пространственном дейксисе конструкция «поидемъ за Киевъ» переходит в нарративный дейксис («и вѣхаша **за Киевъ**»). «Книжная» перспектива усваивает «половецкую», если «за Киев» — обозначение дейктическое, и наоборот, «половецкая» перспектива приняла в себя книжное обозначение, если «за Киев» близко к недейктической конструкции «в окрестность Киева». «За Киев» можно сопоставить с современной русской моделью «за город»: в обеих конструкциях есть дополнительная семантика целенаправленного движения, однако в современном русском языке это всегда движение из пределов города вовне («отправиться за город»), а летописный нарратив допускает движение к городу (половецв ехали с Поросья «за Киев»). Конструкцию «за Киев» не стоит путать с «за Киевом» (сравнимая с «за городом»), с изменением падежа уходит семантика направленного движения, остается значение «в окрестностях города» с незначительной дейктической составляющей:

¹⁹ Там же. Стб. 334.

²⁰ Там же. Стб. 555.

²¹ Там же. Стб. 556.

«Тоѣ же зимы . придоша Половци на Кыевскую страну . и възаша множество сель **за Кыевомъ** с людми и скоты и с коньми . и поидоша со множествомъ полона в Половцьѣ» (1173 г.)²²;

«Глѣбъ пусти Половци въ вежѣ . и шедше стаха **за Васильевомъ** оу сѣделниковъ . съжидающе дружинѣ своеѣ» (1172 г.)²³;

«Том же лѣ ѡша Половци Шварна **за Переяславемъ** . а дружину его избиша и възаша на немъ искупа множество» (1167 г.)²⁴.

Пожалуй, самым ярким примером столкновения «летописной» и «половецкой» точек зрения в нарративе, с передачей половцам права характеризовать пространство исходя из собственного положения, может считаться пример статьи под 1193 г.:

«Посла Стославъ к Рюрикови река емоу . се ты снималс с Половци с Лоукоморьскими . а нынѣ послемъ по Половци по всл . по Боурчевича... Боурчевичи приѣхаша по **внѡи сторонѣ** Днѣпра . противѡу Коневоу . и не ѣхаша на **внѡу стороноу** . но рекоша Стославоу и Рюкови²⁵ ажѣ вамъ любо едите к намъ **на сию стороноу** . князи же сдоумавше и рекоша имъ . ни дѣди наши ни вѣи наши . не ѣздѣли противѡу вамъ . ажѣ вы годно а ѣдете к намъ . а паки ли не годно вы . а волни есте»²⁶.

«Сия» и «оная» стороны в этом эпизоде становятся важными дипломатическими маркерами пространства: переход на одну из сторон меняет статус переходящих и ставит их взаимное положение. Интересно, что половцы ехали по «оной» стороне — «оной», очевидно, для летописца, а затем не стали переходить на «ону» сторону — «ону», с точки зрения половцев. Здесь в нарративном режиме происходит повтор действительного местоимения с изменением перспективы. Важно, что перед нами не стандартный диалог, когда каждый участник закономерно выражает свою позицию. Такая действительная коллизия указывает на то, что даже при несовпадении точек отсчета автор летописи способен передать половцам право характеризовать пространство в собственной системе координат.

Таким образом, в описании ситуаций союзов с половцами летописец может давать возможность действительного описания половцам-союзникам и строить нарратив в соответствии с «половецкой» точкой зрения, а может учитывать позицию половцев и частично встраивать ее в нарратив. «Доверяя» точку отсчета кочевникам, книжник на какое-то время отдает им центральное положение в сложно устроенном мире летописи.

7. В ситуации конфликта

Действительные конструкции, используемые летописцем в повествовании о столкновениях русских и половецких князей, имеют особый характер. В ситуациях военных конфликтов устанавливаются более четкие пространственные и личностные границы, появляется больше бинарных оппозиций. Это не может не отражаться на применении действительных моделей.

7.1. Пространственный дейксис

С точки зрения пространственного дейксиса почти во всех описаниях конфликта действительный центр соплагается с местоположением русских князей и практически никогда точка отсчета не передается половцам (исключения будут рассмотрены ниже). Летописец всегда «следует» за движением русского лагеря и использует действительные местоимения в соответствии с предполагаемой точкой зрения русских князей.

Так, в 1184 г. во время похода на половцев Игорь Святославич, герой «Слова о полку

²² Там же. Стб. 562.

²³ Там же. Стб. 550.

²⁴ Там же. Стб. 527.

²⁵ Так в рукописи (Там же. Стб. 675. Примеч. в).

²⁶ Там же. Стб. 675.

Использование пространственных дейктических моделей в целом достаточно тесно связано с фактографическим планом повествования. Тем не менее летописец может обращаться к пространственному дейксису и в статьях, изначально построенных по «литературному» принципу, и дейксис здесь усложняет нарративную композицию. Так происходит, например, в ретроспективном описании под 1140 г., когда героев статьи — Мстислава Великого и Владимира Мономаха — уже нет в живых:

«Воломиръ самъ собою постоа на Доноу . и много пота оутерь за землю Роускоюу . а Мъстиславъ моужи свои посла загна Половци за **Донъ . и за Волгоу за Гиикъ** и тако избави Бъ Роускоюу землю ѿ поганыхъ»³⁰.

Дейктические обозначения выстраиваются здесь по агглютинативному принципу, по принципу накопления и наименования всех возможных элементов. Важно, что земли за Доном и Волгой — это заведомо «чужие», «вражеские» территории. С риторической точки зрения дейксис помогает летописцу в эпизодах конфликтов разграничить «свои» и «чужие» позиции, неизбежно вовлекая автора текста в противостояние сторон.

7.2. Персональный дейксис

Персональный дейксис позволяет летописцу с помощью личных, притяжательных или возвратных местоимений наиболее ярко обозначить границу между «своими» и «чужими», союзниками и противниками. При этом в летописи практически не появляются раритетные для русского средневекового историописания «я»-формы — самоопределение автора происходит только во множественном числе. Тем не менее персональный дейксис дает возможность летописцу выстроить резко очерченную систему разделения «своего» и «чужого» мира. В сочетании с различными стилистическими приемами подобное разграничение может достигать высокой степени литературности, уходя от исходного фактографического начала.

7.2.1. Персональный диалогический дейксис

Безусловно, ярче всего персональный дейксис проявляется в эпизодах передачи прямой речи, где говорящий сам заявляет о своих намерениях и тем самым определяет собственную принадлежность к одному из миров, заодно характеризуя других действующих лиц. Автор летописи может строить диалог таким образом, что персональные местоимения в комбинации с литературными приемами (например, чисто синтаксический хиазм) рождают отрицательные образы половцев. При том, что формально половцы получают «право голоса», ни о каком диалоге противников речь не идет — диалогические высказывания предназначены для таких же половцев³¹:

«рѣша оунѣиши Оурособѣ . **аще ты боишиа Руси но мы са не боимъ . сиа** бо избивше поидемъ в землю **ихъ** . и приемемъ грады **ихъ** . и кто избавить и ѿ насъ» (1103 г.)³².

ты

мы

боиши са

не боимъ са

Здесь половецкие князья, заранее предрекая себе победу, с тем чтобы на несколько строк ниже получить сокрушительное поражение от русских князей, представляют распространенную в летописи фигуру гордеца [Флорес]. Таковой не надеется на помощь Бога, а уповает только на свою силу, заранее мыслит себя победителем и тут же наказывается. Тот факт, что половцы, будучи язычниками, не могут надеяться на Бога, не смягчает их участь, тем самым указывая, насколько глубоко проникают половцы в естественную картину мира: они судятся на равных с христианами по одним и тем же законам.

³⁰ Там же. Стб. 303-304.

³¹ Это важное правило действует и в дейксисе конфликтов для русских князей — с половцами-врагами диалог не выстраивается, только с союзниками и равными себе русскими князьями.

³² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 278.

В статье под 1096 г., к которой восходит предыдущий отрывок 1103 г., половцы, разоряя Киево-Печерский монастырь, произносят похожие глумливые речи. Их слова, как и в случае с половецким князем Урусобой, обращены друг к другу, но явно предназначены и для прячущихся в кельях монахов. Именно с помощью персонального дейксиса возникает противопоставление «мы/они», «свои/чужие», становясь литературно ярче оттого, что появляется в речи «чужих»:

«тѣмъ глѣху кдѣ естъ Бѣ ихъ да поможеть имъ и избавить ꙗ . и ина словеса хулна»³³.

Интересно, что в упоминавшейся последовательности «возгордился — не смирился — поплатился», характерной для летописного нарратива, половцы все-таки не сливаются с христианским сообществом. Их, в отличие от гордецов-христиан, может ждать наказание не до, а после смерти. Это возмездие, описанное также в дейктических категориях, будет рассмотрено ниже.

7.2.2. Персональный нарративный дейксис и дейксис инвективы

Когда нарратор перестает быть связанным фактической цепочкой и вступает на литературную почву, случаи конфликтов с половцами получают в высшей степени нелестное для последних освещение. Так, летописец с помощью хиазма и указательных местоимений разграничивает разные варианты развития событий для половцев, разграбивших Киево-Печерский монастырь:

«хсыаномъ бо многыми скорбьми . и напастыми внити в црство нбсное . **а симъ поганымъ . и ругателемъ на семь свѣтъ** приимшимъ веселье и просторство. **а на ѡномъ свѣтъ** приимуть мѣу с дьяволомъ»³⁴.

При этом только в описании половцев летописцу необходимо подчеркнуть их участь с помощью дейктических местоимений, описание христиан подобной дифференцированности не требует.

При чтении этого эпизода нельзя не вспомнить надпись об убийстве Андрея Боголюбского из Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском, найденную и проанализированную А. А. Гиппиусом и С. М. Михеевым [Гиппиус, Михеев]. Помимо списка имен убийц и даты убийства Андрея Боголюбского надпись на стене южной апсиды содержит объявление о проклятии убийц («да буд-[ть] проклм//ти») и заканчивается словами:

«овому вѣч[н]аа па/мат(-) а симъ вѣчнаа /м[у]к[а]».

Из параллелей с летописным текстом обращает на себя внимание подобие конструкций и выбор схожих дейктических местоимений: «симъ поганымъ ругателемъ», так же как и «симъ» перечисленным убийцам, положена мука («вечная мука»). В обоих случаях нарушители закона употребляют с дейктическим местоимением «сей», усиливающим обличительный посыл.

Отдельного внимания заслуживает употребление субстантивированного притяжательного местоимения «наши», нарушающего внешнее беспристрастие фактографической линии. Исследователи, анализирующие распределение этой формы местоимения в Повести временных лет и Киевском своде, отмечают его как элемент общехристианского самоотождествления и указывают на принадлежность к «высокому стилю» [Вилкул; Ведюшкина, 1994; Ведюшкина, 2003]. Было также замечено, что подобная форма местоимения встречается в основном в описании активных противостояний с язычниками (не набегов и усобиц) и может служить признаком обострения «чувства собственного единения с княжеско-дружинной средой» [Ведюшкина, 2003, с. 308].

Нельзя не указать на дейктическую природу местоимения «наши». Именно дейксис позволяет увидеть за фактографической основой симпатии летописца. Хотелось бы также указать на точность, с которой воспроизводятся импонирующие летописцу конструкции с обозначением «наши» в статьях разных лет:

³³ Там же. Стб. 233.

³⁴ Там же. Стб. 233.

1096 г.	1103 г.
«и нача Володимеръ хотѣти порадити дружины . вни же не послушаша но удариша в конѣ . къ противнымъ . и се видивше Половци оустремиша на бѣгъ . и наши погнаша оу слѣдъ ратныхъ сѣкуще противныа . слѣдѣ въ тѣ днѣ Гъ . сѣсенне велико . мѣа июла . въ ѳѣ днѣ» ⁸ .	«Половци же видивше оустремленье Руское на сѣ . не достигше побѣгоша . передъ Рускыми князи . наши же погнаша сѣкуще а . въ д мѣа априла . и великое сѣсенне створи Бѣ въ тѣ днѣ блговѣрнымъ княземъ Русьскимъ . и всимъ хрестыаномъ . а на врагы нашѣ дастъ побѣду велику» ⁹ .

Важно, что субстантивируется не только местоимение «наши», отмеченное вниманием исследователей, но и форма «ваши». В статьях 1172–1173 г. имеется яркая иллюстрация дейктического регулирования употребления оппозиции «наши/ваши»:

«и почаша прашати живыхъ . изыиманыхъ . много ли **вашихъ** назадѣ и рѣша много ихъ есть . яко . э . тысячъ . **наши** же слышавше думаша . вже **мы** дадимъ симъ животь . а Половѣцъ много есть назадѣ . а **насъ** есть мало»³⁷.

Здесь оппозиция «наши/ваши» выступает не столько маркером литературной обработки текста, сколько признаком ситуативного дейктического определения принадлежности к военному лагерю.

Классические, несубстантивированные формы «наши»/«ваши» также заслуживают обсуждения. Именно дейктическое управление позволяет летописному нарративу осваивать литературные модели канонических текстов:

«ї быхомъ бѣгающеи предъ враги **нашими** . якоже и прркъ глше . падете предъ враги **вашими** . и поженуть **вы** ненавидащеи **васъ**»³⁸.

Помимо библейских заимствований «литературизация» описаний половцев как Божьего орудия для наказания христиан может строиться на использовании хиазма и дейктических личных местоимений. В частности, приведенный отрывок из статьи 1093 г. продолжен следующим образом:

«се на **ны** Бѣ пусти поганыа . не милуа **и** . но **насъ** казна»³⁹.

Это противопоставление с сохранением персональных дейктических местоимений повторится в статьях под 1177 и 1185 г.⁴⁰

Таким образом, в эпизодах русско-половецких столкновений летописец активно прибегает к персональному дейксису, чтобы разграничить мир русских князей («мир своих») и мир половцев («мир чужих»). Также дейксис конфликтов тяготеет к риторичности: его отличает наличие литературных приемов, встраиваемых в дейктические модели, и существование инвективной идеи.

Заключение

Рассмотренные нами дейктические обозначения в эпизодах русско-половецких контактов демонстрируют, насколько сложно и многообразно реализован первичный и вторичный дейксис в летописи. В ситуации конфликта и военного противостояния дейксис используется не совсем одинаковым образом. При сохранении главной функции дейксиса — указания на объект через соотнесение с позицией наблюдателя — в эпизодах союзов летописец может выстраивать

³⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 222.

³⁶ Там же. Стб. 254.

³⁷ Там же. Стб. 557.

³⁸ Там же. Стб. 213.

³⁹ Там же. Стб. 213.

⁴⁰ Там же. Стб. 603, 648.

нарратив, учитывая точку зрения половцев, а в эпизодах конфликтов подобного следования заполовцами не происходит, здесь есть четкое разграничение мира «своих» и «чужих».

Интересно, что многоплановая структура летописи не приводит к столкновению перспектив многочисленных действующих лиц и нарратора. Как мы имели возможность наблюдать, часто нарратив встраивает и гармонично усваивает различные точки зрения и дейктические модели. Безусловно, нарратив в соотношении с диалогом обладает преимущественным правом определять дейктические центры, тем более что ряд примеров дает основания признать существование неподвижных дейктических центров, среди которых выделяются Киев и Чернигов. Несмотря на это, мы не наблюдаем доминирования только одной точки зрения. Летописец изящно маневрирует между тремя перспективами. Он отражает подвижную перспективу русских князей, собственное видение пространства, времени и, что важнее, понимание чужеродности и близости, а также представляет перспективу половцев, сложным образом связанную с перспективой русских князей и замыкающую этот замысловатый круг. Все три перспективы переплетаются, накладываются друг на друга, образуя ту ткань летописного повествования, которая остается часто единственным источником о взаимодействии русских князей с бесписьменным миром половцев.

Анализ дейктических особенностей описаний этих контактов позволил по-новому оценить образ половцев в летописи. Динамика русско-половецких отношений, не затронувшая формальной риторики книжника-христианина, для которого вплоть до монгольского нашествия половцы остаются «окаянными» и «безбожными», тем не менее нашла свое отражение в дейксисе. Возможность передачи точки зрения половцам в нарративе подтверждает сближение русской и половецкой элит — сближение, о котором мы узнаем из фактографического плана самой летописи и которое существенно затеняется на риторическом уровне летописного текста. Возвращаясь к семичастной таблице, приведенной в начале работы, заметим, что не все ее элементы в равной степени отражают проникновение половцев в летописную картину мира: так, например, метанарративный дейксис, что логично, подчинен перспективе нарратора. Учитывая этот факт, а также оговоренные выше ограничения в исследовании, заменим изначальную таблицу более краткой, где обобщим случаи, в которых половцы при различных обстоятельствах — в ситуации конфликта или союза — получают право «точки зрения»⁴¹:

		Конфликт	Союз
Нарративный*	Пространственный дейксис	Л	Л, единично П
	Персональный дейксис	Л	П
Диалогический**	Пространственный дейксис	—	П
	Персональный дейксис	П	П

Нарратив может латентно отражать половецкую перспективу, если в союз с половцами вовлекается русский князь, ставший центральной фигурой повествования на длительный период. Так, например, происходит с Рюриком Ростиславичем:

«Он же не стѣрпа сорома своего идоша в Половѣцѣ и приде ко Тоглыеви Половѣцъкому кнзю Половци же вбравдася емоу и почаша с нимъ доумати **коуда бы имъ выѣхати в Роускою землю**».

С помощью персонального и пространственного дейксиса нарратив на мгновение «перемещается» на территорию, не принадлежащую Руси, меняя центр координат.

** Диалог между противниками в статусе обострения конфликта не встречается на страницах летописи, каждая из сторон может выражать свою позицию с помощью персонального дейксиса, однако пространственный дейксис остается подчиненным нарратору.

⁴¹ «Л» — летописец представляет свою точку зрения или точку зрения русских князей, «П» — точка зрения может отдаваться половцам.

Таким образом, можно заключить, что летописец, хотя и отдает половцам возможность передать собственное видение мира, полностью не «впускает» половцев в свой нарративный мир, оставаясь там полновластным распорядителем дейктических систем. Тем не менее подобная передача точки зрения — один из шагов по включению половцев в сложноустроенную картину мира нарратора, туда, где они уже будут иметь право голоса, судиться по христианским законам и влиять на решения русских князей. В этой картине мира разделение на «сию» и «оную» стороны уже не видится столь категоричным.

Литература

- Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. 1997. № 35. С. 272–298.
- Ведюшкина И. В. «Чувство-мы» в Повести временных лет // Восточная Европа в древности и средневековье: Древняя Русь в системе этнополитических и культурных связей. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. М., 1994. С. 5–8.
- Ведюшкина И. В. Формы проявления коллективной идентичности в Повести временных лет // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М., 2003. С. 286–310.
- Вилкул Т. Л. О проявлениях местного патриотизма: («Наши» в летописании XI–XIII вв.) // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М., 2003. С. 311–320.
- Гиппиус А. А., Михеев С. М. Надпись об убийстве Андрея Боголюбского из Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3 (69). С. 31–32.
- Кудряшов К. В. Половецкая степь. М., 1948. 170 с.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Русские имена половецких князей: Междинастические контакты сквозь призму антропонимики. М., 2013. 280 с.
- Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996. 464 с.
- Падучева Е. В. Семантические явления в высказываниях от 1 лица: Говорящий и Наблюдатель // Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов. Охрид, 10–16 сентября 2008 года. Доклады российской делегации. М., 2008. С. 372–395.
- Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. Происхождение Руси и становление ее государственности. М., 2013. 626 с.
- Успенский Б. А. Семиотика искусства. М., 1995. 357 с.
- Успенский Б. А. Дейксис и вторичный семиозис в языке // Вопросы языкознания. 2011. № 2. С. 3–30.
- Флорес А. Г. Пути искупления греха и спасения души в древнерусской литературе // Текст, контекст, интертекст. М., 2019. С. 406–409.
- Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира. Модели пространства, времени и восприятия. М., 1994. 343 с.
- Brugmann K. Die Demonstrativpronomina der indogermanischen Sprachen. Leipzig, 1904. 150 s.
- Bühler K. Sprachtheorie. Stuttgart, 1934. 434 s. (Рус. пер.: Бюлер К. Теория языка. М., 1993. 501 с.)
- Jespersen O. Language: Its Nature, Development, and Origin. Glasgow, 2019. 565 p.

References

- Apresyanyan, Yu. D. Deixis in vocabulary and grammar and a naive model of the world. In *Semiotika i informatika*. 1997. No. 35. Pp. 272–298.
- Brugmann, K. Die Demonstrativpronomina der indogermanischen Sprachen. Leipzig, 1904. 150 s.
- Bühler, K. Sprachtheorie. Stuttgart, 1934. 434 s. (Russian translation: Byuler, K. Teoriya yazyka [Language Theory]. Moscow, 1993. 501 pp.)
- Flores, A. G. Ways of atonement for sin and saving the soul in Old Russian literature. In *Tekst, kontekst, intertekst*. Moscow, 2019. Pp. 406–409.

- Gippius, A. A., Mikheev, S. M. Nadpis' ob ubiistve Andreya Bogolyubskogo iz Spaso-Preobrazhenskogo sobora v Pereslavle-Zalesskom [The Inscription about the Murder of Andrei Bogolyubsky from the Transfiguration Cathedral in Pereslavl-Zalessky]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2017. No. 3 (69). Pp. 31–32.
- Jespersen, O. *Language: Its Nature, Development, and Origin*. Glasgow, 2019. 565 pp.
- Kudryashov, K. V. *Polovetskaya step' [Cumania]*. Moscow, 1948. 170 pp.
- Litvina, A. F., Uspenskii, F. B. *Russkie imena polovetskiikh knyazei: Mezhdinasticheskie kontakty skvoz' prizmu antroponimiki [Russian Names of the Polovtsian Kniazes: Inter-dynastic Contacts through the Prism of Anthroponymy]*. Moscow, 2013. 280 pp.
- Paducheva, E. V. *Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa [Semantic Studies. Semantics of Tense and Aspect in Russian Language. Semantics of Narration]*. Moscow, 1996. 464 pp.
- Paducheva, E. V. *Semanticheskie yavleniya v vyskazyvaniyakh ot 1 litsa: Govoryashchii i Nablyudatel' [Semantic Phenomena in First-Person Statements: Speaker and Observer]*. In *Slavyanskoe yazykoznanie. XIV Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Okhrid, 10–16 sentyabrya 2008 goda. Doklady rossiiskoi delegatsii*. Moscow, 2008. Pp. 372–395.
- Rybakov, B. A. *Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII–XIII vv. Proiskhozhdenie Rusi i stanovlenie ee gosudarstvennosti [Kievan Rus' and Russian Principalities in the 12th – 13th Centuries. The Origin of Rus' and the Its Statehood Formation]*. Moscow, 2013. 626 pp.
- Uspenskii, B. A. *Semiotika iskusstva [Semiotics of Art]*. Moscow, 1995. 357 pp.
- Uspenskii, B. A. *Deixis i vtorichnyi semiozis v yazyke [Deixis and Secondary Semiosis in the Language]*. In *Voprosy yazykoznaniiya*. 2011. No. 2. Pp. 3–30.
- Vedyushkina, I. V. "Chuvstvo-my" v Povesti vremennykh let ["Feeling-we" in the Tale of Bygone Years]. In *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e: Drevnyaya Rus' v sisteme etnopoliticheskikh i kul'turnykh svyazei. Chteniya pamyati chlena-korrespondenta AN SSSR V. T. Pashuto*. Moscow, 1994. Pp. 5–8.
- Vedyushkina, I. V. *Formy proyavleniya kollektivnoi identichnosti v Povesti vremennykh let [Forms of Manifestation of Collective Identity in the Tale of Bygone Years]*. In *Obrazy proshlogo i kollektivnaya identichnost' v Evrope do nachala Novogo vremeni*. Moscow, 2003. Pp. 286–310.
- Vilkul, T. L. *O proyavleniyakh mestnogo patriotizma: ("Nashi" v letopisanii XI–XIII vv.) [On the Manifestations of Local Patriotism: ("Ours" in the 11th – 13th Centuries Chronicles)]*. In *Obrazy proshlogo i kollektivnaya identichnost' v Evrope do nachala Novogo vremeni*. Moscow, 2003. Pp. 311–320.
- Yakovleva, E. S. *Fragmentsy russkoi yazykovoi kartiny mira. Modeli prostranstva, vremeni i vospriyatiya [Fragments of the Russian Linguistic Picture of the World. Models of Space, Time and Perception]*. Moscow, 1994. 343 pp.

Karolina I. Gurevich

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

DEIXIS IN THE DESCRIPTIONS OF THE CUMAN-RUSSIAN INTERACTIONS

The article analyzes the examples of spatial, personal and discourse deixis in the chronicle episodes presenting different types of the Cuman-Russian contacts. The paper characterizes the main functions of deixis in these passages and considers peculiarities of usage of the deictic models in the descriptions of the Cuman-Russian conflicts and alliances. The study specifically focuses on the analysis of the factual and literary aspects in usage of the deictic elements.

Keywords: deixis, reference point, Cumans, Russian-Cuman relationship, chronicle narration

